

От «молчания мертвых» к «говорку винтовок» (к позиции Семена Франка в русских революциях 1917 года)*

В.К. Кантор

Автор показывает, что в эпохи больших социальных потрясений даже рационально мыслящие философы порой прибегали к мифологическим образам для понимания и объяснения происходящего. Франк тоже прибегал к полуязыческой символике мертвых как действующей в жизни силе. Впрочем, в русской культуре тема Некрополиса, мертвых душ, мертвого дома, говорящих в могилах мертвецов (у Достоевского в новелле «Бобок») звучала достаточно отчетливо. В классической статье *De Profundis* Франк сознательно обратился к этой новелле Достоевского для объяснения вполне конкретных политических реалий. Когда социальные подходы не работают, люди поневоле обращаются к мифологии. Обращение Франка к теме мертвых — это реакция переживавшего глубинный кризис общества. Надо учесть, что предреволюционные годы — это годы, когда возникает то, что Мамардашвили называл «социальной алхимией», то есть преодоление реальности. Автор показывает, что такая алхимия чревата социальной катастрофой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, война, мертвецы, история.

КАНТОР Владимир Карлович — доктор философских наук, профессор, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

vkantor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

Цитирование: *Кантор В.К.* От «молчания мертвых» к «говорку винтовок» (к позиции Семена Франка в русских революциях 1917 года) // *Вопросы философии.* 2018. № 11. С. 142–151.

В августе 1917 г. в московском издательстве Лемана и Сахарова С.Л. Франк выпустил в свет небольшую брошюру под названием «Мертвые молчат». Название жутковатое, но в духе тем и сюжетов русской культуры, где тема мертвеца играла немалую роль, начиная от русских народных сказок и кончая «Мертвыми душами» Гоголя, «Записками из Мертвого дома» Достоевского, его гениальным рассказом «Бобок», «Живым трупом» и «Смертью Ивана Ильича» Льва Толстого. Не говорю уж о небольших этюдах классиков вроде «Гробовщика» Пушкина, «Вия» Гоголя, «Воскресения всех мертвых» Леонида Андреева, трактатов философа-мистика Николая Федорова «Философия общего дела» об оживлении всех умерших. Этот контекст надо понимать, но добавить важное: шла самая страшная за последние столетия мировая война, когда мертвые исчислялись как минимум сотнями тысяч.

И еще эпизод, о котором знали в Европе и России, названный «Атакой мертвецов». Шестого августа 1915 г. немецкие войска пустили отравляющий газ на крепость

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

© Кантор В.К., 2018 г.

Осовец, которую защищали русские. У русских не было противогазов. Две трети погибли. Уцелевшая, еще живая 13 рота, лица солдат обмотаны тряпками, с рук слезала кожа и пр., вдруг пошла в штыковую с хрипом «Русские не сдаются!». Голосовые связки, говорят, были сожжены. Как писали в газетах «Русское слово» и «Псковская жизнь», немцы бежали, напуганные страшным видом идущих в атаку мертвецов. Легенда это или нет, но она стала фактом русской публицистики.

Франк писал, начав с горестного письма матери одного из погибших: «Мертвые молчат. Бесчисленная их армия не встает из могил, не кричит на митингах, не составляет резолюций, не образует союза и не имеет представителей в совете рабочих и солдатских депутатов. Тихо истлевают они в своих безвестных могилах, равнодушные к шуму жизни и забытые среди него. И все же эта армия мертвецов есть великая — можно сказать, величайшая — *политическая сила* всей нашей жизни, и от ее голоса зависит судьба живых, быть может, на много поколений» [Франк 1990, 578]. Надо напомнить, что на полях сражений Первой мировой войны, как констатируют сегодня историки, погибло около 10 миллионов солдат. Еще 20 миллионов человек были ранены. В этом страшном беспределе участвовало тридцать восемь государств. Цифры впечатляют. Эта война как бы поменяла состав мира, ибо такой силы разрушений и такого количества погибших людей не было ни в одной из предыдущих войн. Бердяев даже написал, что из этой войны вышел совершенно новый антропологический тип. Я бы сказал словом Канетти: это были прошедшие сквозь смерть. Из войн иногда происходят революции: чем разрушительнее война, тем разрушительнее следующая революция.

Это ощущение силы мертвых, которая составляет нерв политической жизни в XX веке, проследил гениальный Элиас Канетти. Об этом его книга «Масса и власть». Канетти подчеркивает, что вождь не может бытийствовать без массы. Но масса может (а порой и должна быть) *массой мертвецов*, трупов. Именно в их силе, в памяти о них обрел свою силу Гитлер, именно они помогли ему прийти к власти. Это соображение кажется мистическим, но оно оказывается важнейшим в период социальных напряжений: «Ощущение массы мертвецов для Гитлера — решающее. Это и есть его *истинная масса*» [Канетти 1990, 74]. Но еще до нацизма, который описывал Канетти в статье «Гитлер по Шпееру», возник большевизм. Это было то, что позже Мераб Мамардашвили назвал «социальной алхимией». Франк был не единственным, заговорившим о роли мертвых в жизни живых. Великий русский писатель Иван Шмелев уже после революции писал в очерке «Крестный подвиг», что мертвые определяют жизнь оставшихся живых. Даже уйдя в эмиграцию, они не сдавались, носили в себе Родину, и, даже умерев, они дождутся преодоления зла.

И все же Франк был первым русским философом, в эти годы серьезно подошедшим к проблеме погибших. Он хотел думать, что именно неотомщенная смерть сотен тысяч солдат позволила так легко и вроде на поверхностный взгляд без насилия свергнуть царя. Он писал: «Раскрывая до конца конкретный смысл этого события, мы не можем не видеть, что *революцию совершили тени погибших на войне*. <...> И достаточно было ничтожного внешнего толчка, чтобы армия возмущенных теней вышла из недр народной души и, предводительствуя маленькой кучкой людей на улицах Петрограда, в три дня разрушила трехсотлетнюю монархию» [Франк 1990, 579–580]. Надо сказать, что тема движения мертвых в ту страшную войну не оставляла людей творчества. В 1916 г. вышло в переводе Александра Блока стихотворение финского поэта Нино Рунеберга «Марш мертвецов»:

Упорной колонной мы строимся там,
Где гибнут живые толпами.
Всё новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами.
Пробитая грудь, окровавленный лоб —
Так рать наша бьется из гроба,
Ее не пугают опасность и гроб,
Не трогают зависть и злоба.

Слабеет в сраженьи живая рука,
Оружие может сломаться,
А наши деянья не знают врага,
Не могут ничем запятнаться.
Да, новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами,
Победной колонной мы держимся там,
Где гибнут живые толпами.

11 декабря 1916

Все эти строчки – и Франка, и Рунеберга в переложении Блока – кажутся мистическим выходом в фольклор, где мертвые могут действовать и влиять на живых, более того, они определяют падение неких жизненных структур. И надо еще подумать, хорошо ли это – ломать привычные общественные структуры вместо того, чтобы их реформировать. Да и возможно ли в реальности влияние мертвых? Но когда социальные подходы не работают, люди поневоле обращаются к мифологии. Франк все же христианин, но он здесь совершенно не понимает произошедшего и ищет ответа в народном мироощущении. Революция почти бескровна, *но именно почти*. Уже позже он вспоминал, что эта *бескровная* разнуздала «анархическую стихию» и Россия вовсе не пошла вперед «семимильными шагами», как он надеялся. Напротив, постфактум он стал зорче, когда пошли известия «...о зверских убийствах в Финляндии матросами офицеров – все это создавало неотразимое впечатление, что Россия катится в бездну» [Франк 2001, 481]. Примерно то же самое описывала княгиня О.В. Палей, вспоминая первые недели февральской революции. Как пример могу привести ее строчки о гибели мужа ее лучшей подруги, генерала Штакельберга. Она вспоминала, что «солдаты убили его в нескольких шагах от дома. И этот чудный, благородный и самый миролюбивый человек был одной из первых жертв. Граф Менгден, граф Клейнмихель, генерал Шильдкнехт, инженер Валуев и многие другие были убиты в начале этой революции, которую кн. Львов осмеливается называть “бескровной”» [Палей 1991, 195].

И все же в 1917 г. Франк чувствовал позитивную силу массы – массы мертвых, ведь их «бесчисленная армия». И это для него не суеверие! Ему было понятно, что для тех, кто живет лишь текущим мгновением, не помня прошлого и не предвидя будущего, для безумцев, для них мертвых не существует и напоминание о силе и влиянии мертвых есть для них лишь бессмысленный бред суеверия. «Но те, кто умеют видеть, – писал он, – и слышать, кто сознает настоящее не как самодовлеющую, отрешенную от прошлого жизнь сегодняшнего дня, а как преходящий миг живой полноты, насыщенной прошлым и чреватой будущим, – те знают, что мертвые не умерли, а живы. Какова бы ни была их судьба там, за пределами этого мира, – *здесь*, среди нас, их мученические образы живут в наших душах и движут нами. Или, вернее, они живут не в *наших* душах, – не в слабых, ограниченных, легко забывающих и мало разумеющих сознаниях отдельных людей, а в подсознательных глубинах великой, сверхличной *народной души*» [Франк 1990, 579].

Что же это за новая жизнь? Явно, не дантовская *La Vita Nuova*! Он рассчитывает на сверхличную силу ушедших в иной мир. И пока он верит в благотворную силу этой массы, которая с того света руководит живыми. Хотя, зная русскую народную мифологию, Франк мог бы быть осторожнее в своих надеждах (вспомним хотя бы сюжет «Гробовщика» А.С. Пушкина). Революционное помутнение разума у великого философа очевидно. Он видит злодейства, но не хочет их видеть. Как Блок в поэме «Двенадцать» во главе каторжников и убийц увидел Христа. Двенадцать апостолов нового страшного мира, это вырвавшиеся на волю каторжники:

В зубах – цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Бубновый туз нашивался на ватник, на спину каторжникам-убийцам. Это была та-кая квадратная нашивка, которая именовалась бубновым тузом. Как пишут кримина-листы, прилепить бубнового туза — значит послать в колонию особого режима, где «мотают срок» особо опасные рецидивисты. Они такие и есть, они способны только убивать: «Запирайте этажи, // Нынче будут грабежи!» Они убивают бывшую возлюб-ленную одного из двенадцати, «вечную женственность» в понимании Блока. Кто же их ведет? Ведь

...идут без имени святого
Все двенадцать — вдали.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Это персонажи Достоевского, жильцы «мертвого дома», можно сказать, покойники. Степун, трактуя странную двойственность блоковской поэмы, рассуждал так. С одной стороны, «без имени святого», с другой, «впереди — Иисус Христос». Иными словами, писал он: «Как понять, что Блок, который считал, что красногвардейцев должен вести антихрист — какая страшная мысль, что именно он будет строить грядущую Россию, — провозглашает вождем революции, а тем самым и устроителем новой России Христа» [Степун 1999, 166]. Антихрист во главе восставшего народа! Для прямолинейных хри-стианских мозгов это было чересчур. Ведь и Блок антихриста увидеть не захотел. Франк же со времен «Вех» в трагедии русского развития винил интеллигенцию, кото-рая-де подбивает народ на бунты. Будущих каторжников, кандидатов на «мертвый дом», которых Бунин описал в «Деревне», Франк тогда не видел. Возможно, тема мерт-вых связана была у Франка с чисто христианской формулой молитвы: «Христос вос-кресе из мертвых, / смертью смерть поправ / и сущим во гробех живот даровав». Но здесь у Франка получалось нечто кошунственное, ибо Христос даровал жизнь умершим в Царствии Небесном, но умершие не могут даровать ничего живым, ибо они из цар-ства мертвых, где нет Христа.

Впрочем, Франк даже в эти безумные дни середины 1917 г. видел и опасность этого фольклорного неистовства, опасность, если желания мертвецов не осуществляются (здесь первая фраза рифмуется с повестью Гоголя «Страшная месть»): «Страшна месть мерт-вых! Когда их тени снова будут доведены до открытого возмущения в народной душе, то в порыве слепого, безумного негодования на оскорбителей их памяти они могут свергнуть страну на долгие годы в ту же пучину самой темной реакции, из которой они же вывели ее» [Франк 1990, 581]. Вопрос: почему? Что за оскорбление памяти мертвых видит Франк? Как ему кажется, мертвые и после революции продолжают жить в народной душе неотомщенными и неудовлетворенными, более того, что после рево-люции тени их терпят еще большие оскорбления. Именно поэтому Россия живет, как на вулкане, и в каждое мгновение можно ждать нового внезапного сотрясения исто-рической почвы, которое в своей стихийной слепоте может разрушить и стереть с лица земли не только зло, но и добро всей жизни.

Вот это уже говорит о том, что Франк, как трезвый мыслитель, ничего не утверждал как нечто неизблемое. Дело в том, что смерть продолжала господствовать на террито-рии России. Канетти произнес точные слова: «Смерть как угроза — это монета власти. Очень легко, складывая монету к монете, скопить огромный капитал» [Канетти 1997, 503]. И Ленин скапливал. Десятки тысяч убитых по его приказу становились его ка-питалом, опорой его власти. Скажем, Троцкий вспоминал о реакции Ленина на отмену смертной казни солдат-дезертиров: «— Вздор, — повторял он. — Как же можно совер-шить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется побе-дить?» [Троцкий 1990, 213].

Блок надеется на Христа, но по справедливому поэтическому решению Маяков-ского,

Блоку
Христос
являться не стал.
У Блока
тоска у глаз.
Живые,
с песней
вместо Христа,
люди
из-за угла.

Кто же эти живые? Подчеркиваю — не мертвецы, а, пользуясь словом Канетти, «выжившие», бывшие на грани смерти, но оставшиеся живыми. Они несут не добро, не зло, а именно недобро. Поэтому и полагает Франк, что мы живем как на вулкане и в каждое мгновение можем ждать нового внезапного сотрясения исторической почвы, которое в своей стихийной слепоте может разрушить и стереть с лица земли не только зло, но и добро всей нашей новой жизни. Вернусь к революционной поэме Маяковского.

Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.

«Говорки винтовок» — это то, что ждало русских искателей демократии. А кто стреляет? Чья это месть — мертвых или живых, не успевших умереть, — уже кажется все равно. Самое важное, что ожидалось в результате Февральской революции, — это наконец-то созданное Учредительное собрание. 5 января Собрание открылось. Ленин ушел практически сразу, большевики-интеллигенты типа Луначарского побесчинствовали немного, посвистели, поорали, постучали по пюпитрам, мешая заседанию, потом тоже покинули зал. Остались солдаты, простой народ, на которого со времен «Вех» так надеялся Франк, обвиняя интеллигенцию в совращении народа, что он повторил в своей знаменитой статье *De profundis*, хотя уже с ноткой сомнения: «Конечно, прославленный за свою праведность народ настолько показал свой реальный нравственный облик, что это надолго отобьет охоту к народническому обоготворению низших классов. И все же, вне всякого ложного сентиментализма в отношении “народа”, можно сказать, что народ в смысле низших классов или вообще толщи населения никогда не может быть непосредственным виновником политических неудач и губельного исхода политического движения по той простой причине, что ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях народ в этом смысле не является инициатором и творцом политической жизни» [Франк 1991, 481].

Впрочем, еще в 1906 г. после смуты 1905 г. Мережковский выступил против формулы «русский народ — это народ-богоносец», определявшей сознание русской религиозной интеллигенции. Он писал, что крестьянство хочет сделаться христианством, но не сделалось. И никогда еще до такой степени, как в настоящее время, крестьянство не было противоположным христианству. Тут в первобытном стихийном единстве народных верований что-то расколосось, дало трещину, и эта сперва малая трещина, постепенно углубляясь, сделалась, наконец, бездной: «Вопит земля, а небо глухо. Земля залита кровью, а небо черно или красно от зарева пожаров. Христианство, уйдя на небо, покинуло землю; и крестьянство, отчаявшись в правде земной, готово отчаяться и в правде небесной. Земля — без неба, небо — без земли; земля и небо грозят слиться в одном беспредельном хаосе. И кто знает, где дно этого хаоса, этой бездны, которая вырылась между землей и небом, между крестьянством и христианством?» [Мережковский 1906, 7]. Мережковскому никто не поверил, считая его сознание катастрофическим. И вроде ближайшие десять лет, до 17 года, никакая катастрофа не

наступила. Но вот 2 марта 1917 г. отрекается Царь, к власти приходит Временное правительство, по иронии судьбы само назвавшее себя *временным*, правда с благородным прицелом на Учредительное собрание, которое и установит реальную власть в России. Но оно и впрямь осталось в истории, как временное. Не принял в расчет соображения Мережковского и Франк. Как мы видели, он верил в демократическое решение русских проблем, пусть немного мистически уповая на силу и власть погибших солдат-крестьян. Анархия, однако, была чревата катастрофой. Не только в России.

Надвигалась диктатура, что прекрасно объяснил Шпенглер, ориентируясь на ситуацию прихода к власти гитлеровского режима: «Это анархистское промежуточное состояние, называемое демократией, которое, разрушив политическим плебейским рационализмом государственный монархический строй, движется к цезаризму будущего, уже сегодня тихо заявляющему о себе диктаторскими тенденциями и предназначенному неограниченно владычествовать на развалинах исторического прошлого» [Шпенглер 2007, 47].

Итак, народ остался без руководителей, но если опираться на интуицию Франка, то народ вроде бы должны были поддержать сотни тысяч мертвых и направить в верную сторону, однако случилось нечто иное. Помимо уличных убийств, было разогнано Учредительное собрание, к которому Россия стремилась не одно десятилетие. Причем не распушено, а именно по-разбойничьи разогнано. Позволю себе цитату из воспоминаний Марка Вишняка: «Спустившись с помоста, я пошел взглянуть, что делается на хорах. В полукруглом зале по углам сложены гранаты и патронные сумки, составлены ружья. Не зал, а становище. Учредительное собрание не окружено врагами, оно во вражеском лагере, в самом логовище зверя. Отдельные группы продолжают “митинговать”, спорить. Кое-кто из депутатов пытается убедить солдат в правоте собрания и преступности большевиков. <...> В зале заседания матросы и красноармейцы уже окончательно перестали стесняться. Прыгают через барьеры лож, шелкают на ходу затворами винтовок, вихрем проносятся на хоры» [Вишняк 2017, 323–324].

Надо сказать, что эти действия солдат и их фразы и жесты напоминают людей из Мертвого дома, то есть живых мертвецов, простых бандитов, «потерявших нитку», по выражению Достоевского, не видящих черты, отделяющей жизнь от смерти. И к интеллигентам, членам Учредительного собрания, думавшим о судьбах России, относились как к несостоявшимся еще мертвецам. Вот спускается «...с помоста и В.М. Чернов, свертывая на ходу бумажки в трубочку. Вместе проходим к вешалкам с платьем. Караул никого не останавливает. Только слышу по адресу. Чернова:

– Вот этого бы в бок штыком!» [Вишняк 2017, 323–324].

Добавлю, что Виктор Михайлович Чернов, один из основателей партии эсеров, ее главный теоретик, многократный эмигрант, один из лидеров борьбы с самодержавием. Надо сказать, что народ уже переступил грань разумного, далее его несла стихия, во что Франк все еще не мог поверить.

Статья *De profundis* была написана в том же 1918 году, уже после разгона Учредительного собрания. Франк в самом начале статьи отметил, что все интеллигентные партии были опущены солдатами и матросами, то есть вооруженным народом, как бы были похоронены. Их голоса не были слышны, доносились только бормочущие всхлипы. Народ же готов был убивать и эсеров и даже большевиков, охлос торжествовал, как на поминках нелюбимого родственника. Снова возникает тема мертвых, но уже не тех, что требуют справедливости, а скорее упырей. Франк удивительно точно передал это, вспомнив гениальный рассказ Достоевского «Бобок», где герой слышит доносящиеся из могил голоса. Снова мертвые, но не торжествующие и благородные, а мелкие и гнусные. Он пишет: «Вспоминается мрачная, извращенная фантазия величайшего русского пророка — Достоевского. Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне, обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков; уже совсем почти разложившийся мертвец изредка бормочет бессмысленное “бобок” — единственный остаток прежней речи и мысли. Все нынешние мелкие, часто кошмарно-нелепые события нашей жизни, вся эта то бесплодно-словесная, то плодящая лишь кровь и разрушение бессмысленная возня всяких “совдепов” и “исполкомов”, все эти

хаотические обрывки речей, мыслей и действий, сохранившихся от некогда могучей русской государственности и культуры после бешеной пляски революционных привидений, как последние дотлевающие огоньки после дьявольского шабаша, — разве все это не тот же “бобок”? И если мы, задыхаясь и умирая среди этого мрака могилы, в своих тревогах и упованиях продолжаем по инерции мысли бормотать о “заветах революции”, о “большевиках” и “меньшевиках” и об “учредительном собрании”, если мы судорожно цепляемся за жалкие, замирающие в нашем сознании остатки старых идей, понятий и идеалов и это бесплодное и бездейственное трепыхание чувств, желаний и слов во мраке смерти принимаем за политическую жизнь, — то и это все есть тот же “бобок” разлагающегося мертвеца» [Франк 1991, 478–479].

Надо сказать, от этих слов очевиден путь к его «Крушению кумиров», где философ беспощадно разделался со всеми политическими и псевдофилософскими партийными и околопартийными идолами. А далее гениальный трактат «Непостижимое». Но чтобы его написать, надо было выбраться из «Бобка» политического треска. Конечно, оставшееся полупрезрение к интеллигенции, на мой взгляд, объясняется его партийно-философской средой, просто он не видел людей трезвых и понимающих силу слова. Сын священника, корабел, великий и самый смелый писатель Евгений Замятин помнил Евангелие от Иоанна, где было сказано, что вначале было Слово. И в 1921 г., когда интеллигенция стала планомерно истребляться, он воспел величие разума и его трагедию. Единственное оружие, достойное человека — завтрашнего человека, — это слово, писал он. «Словом русская интеллигенция, русская литература — десятилетия подряд боролась за великое человеческое завтра. И теперь время вновь поднять это оружие. Умирает человек. Гордый *homo erectus* становится на четвереньки, обрывает клыками и шерстью, в человеке — побеждает зверь. Возвращается дикое средневековье, стремительно падает ценность человеческой жизни, катится новая волна еврейских погромов. Нельзя больше молчать» [Замятин 1999, 49]. Писатель обращался к той части русской интеллигенции, которая сохранила в себе честь и достоинство. Ради завтра нужно преодолевать страшное сегодня.

Впрочем, название сборника «Из глубины», а также *De profundis* Франка уже говорит об очень серьезном пафосе, ибо это один из важнейших псалмов, псалом 129. Это покаянная молитва, взывающая к Божьему милосердию. Как известно, псалом особенно популярен в западнохристианской традиции, хорошо известен по первым словам — *De profundis*. В иудаизме этот псалом включён в погребальную службу и в молитву, читаемую во время поста. Его используют католики и протестанты в качестве погребальной молитвы. Псалом положен на музыку многими композиторами, в их числе: Иоганн Себастьян Бах, Георг Фридрих Гендель, Кристоф Глюк, Мендельсон, Моцарт, Генри Пёрселл, Антонио Сальери.

Конец Российской империи — это повод для обращения к 129 псалму. Особенно здесь к месту последняя строка: «Да уповает Израиль на Господа, ибо у Господа милость и многое у Него избавление, и Он избавит Израиля от всех беззаконий его». Беззаконий Россия совершила немало, надежда на силу мертвых оказалась несбыточной. Более того, произошло страшное превращение вчерашних мертвых в живых и злостных солдат.

Ничего другого Франк в тот момент не мог предложить России, кроме идущего от Достоевского пафоса самоисправления. Именно этот пафос преодоления себя, является основным в «пушкинской речи» Достоевского: «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою» [Достоевский 1984, 139]. Задача — победить себя, усмирить себя — только тогда человек обретет свободу, как никогда не воображал себе. И других свободными сделает. К сожалению, мотив долженствования никогда не являлся решающим фактором общественной жизни, если не был подкреплён суровой церковной, военной или политической обязательностью. Франк писал в своей ключевой на то время статье, что вся наша жизнь и мысль должна быть пропитана духом истинного,

высшего реализма, «реализма, который сознает духовные основы общественного бытия и потому включает в себя, а не противопоставляет себе *творческий идеализм внутреннего совершенствования*» [Франк 1991, 497]. Это почти прямой повтор тезиса Достоевского. Страшно сказать, но в этих повторах слышится отчаяние, как в выкрике «бобок» покинувшего жизнь человека, но что-то мучительно пытающегося сформулировать уже по ту сторону жизни.

Франк все же произнес слова, от которых долго уходил, — о народном богоотступничестве. Он фиксирует, что русское религиозное сознание уходило из жизни народа, жизненно-творческая энергия национальной воли становилась духовно непросветленной, нравственно необузданной, превратилось в темное буйство злых страстей: «Как и почему случилось, что народ (понимая народ не в классовом, а в национальном смысле), прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства? Трудно определить, *почему* это произошло, но, быть может, возможно наметить, как это совершилось» [Франк 1991, 496]. Ответа, однако, он не нашел. Итак, народ ни с мертвыми, ни с христианством не сумел стать опорой либеральных интеллектуалов.

Как теперь мы понимаем, русская революция 1917 г. стала глубочайшей трагедией и причиной резкого водораздела между старой и новой жизнью. Впрочем, новая жизнь для многих оборачивалась смертью. Далеко не все — даже философы — смогли сохранить в этих условиях способность к анализу и трезвым оценкам. Но чтение текстов С. Франка, написанных в разгар этих катастрофических событий, убеждает в способности философии, несмотря ни на что, искать ответы на вопросы, поставленные жизнью (и смертью). По словам современного исследователя, «...первые оценки революции и ее последствий (скорее даже — первые впечатления) прозвучали в статье из сборника “Из глубины” (название которому дала как раз статья Франка). Это были впечатления “бездны падения”, “самоубийства великого народа”, почти физические ощущения “тлетворного духа разложения” и “удушающей тьмы могилы”. Для 1918 года, впрочем, это были совсем не метафоры» [Аляев 2017, 96–97].

Разумеется, не метафоры. Не говорим уж о развернувшейся страшной гражданской войне, где происходил «разрыв» (как назвал Пастернак свое стихотворение 1919 г.) между людьми. Но разрыв этот, как правило, чреват был смертью, что Пастернак гениально выразил в этом стихотворении:

Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно — что жилы отворить.

Любопытно, что тема мертвых не была забыта и далее — в укрепившейся Советской России. Стоит помянуть хотя бы мавзолей. Мертвые, погибшие за дело революции, «окормляли» новую власть. В революционной поэме «Хорошо» это классически подытожил Маяковский:

Спите,
товарищи, тише...
Кто
ваш покой отберет?
Встанем,
штыки ошетинивши,
с первым
приказом:
«Вперед!»

Как видим, здесь поворот несколько иной, кстати, и похожий и не похожий на христианский ход мысли. Но социальная алхимия строит «мир навыворот». По мысли Мамардашвили, «власть несуществующего – один из разительных примеров социальной алхимии» [Мамардашвили 2012, 484]. Здесь очевидно вступают в действие доисторические структуры сознания. Но эти структуры рождают уже нечто новое – тоталитаризм, то есть тот строй, где тирания получает идеологическое оправдание, а народ начинает воспринимать эту тиранию как собственное произведение.

Источники – Primary sources in Russian and Russian translations

Вишняк 2017 – *Вишняк М.В.* Созыв и разгон Учредительного собрания // Революция 1917 года глазами ее руководителей. М.: Центрполиграф, 2017. С. 312–324 [Vishnyak, Mark V. *Convocation and dispersal of the Constituent Assembly* (In Russian)].

Достоевский 1984 – *Достоевский Ф.М.* Пушкин. (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984 [*Dostoevsky's Pushkin Speech* (In Russian)].

Замятин 1999 – *Замятин Е.И.* Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999 [Zamyatin, Yevgeniy I. *I'm afraid. Literary criticism. Publicism. Memories* (In Russian)].

Канетти 1990 – *Канетти Э.* Гитлер по Шпееру // Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1990. С. 66–90 [Canetti, Elias *Hitler nach Speer* (Russian translation)].

Канетти 1997 – *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997 [Canetti, Elias *Masse und Macht* (Russian translation)].

Мережковский 1906 – *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906 [Merezhkovsky, Dmitriy S. *The Prophet of the Russian Revolution* (In Russian)].

Палей 1991 – *Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М.: Книга, 1991. С. 175–213 [Palej, Olga V. *My memories of the Russian revolution* (In Russian)].

Степун 1999 – *Степун Ф.А.* Портреты. СПб.: РХГИ, 1999 [Stepun, Feodor A. *Portraits* (In Russian)].

Троцкий 1990 – *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990 [Trotsky, Lev D. *To the history of the Russian revolution* (In Russian)].

Франк 1990 – *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990 [Frank, Semen *Works* (In Russian)].

Франк 1991 – *Франк С.Л.* De profundis // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 478–499 [Frank, Semen *De profundis* (In Russian)].

Франк 2001 – *Франк С.Л.* Непрочитанное. М.: Московская школа политических исследований. 2001 [Frank, Semen *Unread* (In Russian)].

Шпенглер 2007 – *Шпенглер О.* Годы решений. Екатеринбург: У-Фактория, 2007 [Spengler, Oswald *Jahre der Entscheidungen* (Russian translation)].

Ссылки – References in Russian

Аляев 2017 – *Аляев Г.Е.* Семен Франк. СПб.: Наука, 2017.

Мамардашвили 2012 – *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2012.

**From the *silence of the dead* to the *gossip of rifles*
(to the position of Semyon Frank in the Russian revolutions of 1917)**

Vladimir K. Kantor

The author shows that in times of great social upheavals even rationally thinking philosophers sometimes resorted to mythological images for understanding and explaining what was happening. Frank also resorted to the semi-lingual symbolism of the dead as a force acting in life. However, in Russian culture the theme of Necropolis, dead souls, a dead house, speaking in the graves of the dead (in Dostoevsky's novel *Bobok*) sounded quite distinctly. In his classic article *De Profundis* Frank quite consciously turned to this novel of Dostoevsky for an explanation of quite concrete political realities. But is it possible in reality the influence of the dead. But when social approaches do not work, people reluctantly turn to mythology. The appeal to the theme of the dead is the reaction of the society experiencing a deep crisis. It should be taken into account that the pre-revolutionary years are the years when what Mamardashvili calls “social alchemy” arises. That is, overcoming reality. The author shows that such alchemy is fraught with social catastrophe.

KEY WORDS: revolution, war, dead, history.

KANTOR, Vladimir K. – DSc in Philosophy, Professor, Faculty of Humanities, School of Philosophy, Laboratory Head International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue.

vlkantor@mail.ru

Received at May 15, 2018.

Citation: Kantor, Vladimir K. (2018) ‘From the *silence of the dead* to the *gossip of rifles* (to the position of Semyon Frank in the Russian revolutions of 1917)’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 142–151.

DOI: 10.31857/S004287440001900-5

References

- Alyae, Gennadiy E. (2017) *Semen Frank*, Nauka, Saint Petersburg (In Russian).
Mamardashvili, Merab K. (2012) *An outline of modern European philosophy*, Azbuka, Saint Petersburg (In Russian).